

О. Ф. КОНОВАЛОВА

Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского

В системе поэтического языка Епифания эпитет занимает значительное место. Он разнообразен, менее традиционен, чем другие поэтические тропы, сочетает в себе изобразительные и лирические функции. Наблюдения над эпитетами, встречающимися в Житии Стефана Пермского, показали, что они могут быть разделены на: тавтологические — светлый светильник, трудолюбивый сподвизалец; пояснительные — невеста добра, хороша, красна; метафорические — виноград разумный, море житейское, очи сердечные; порицательные — волхв очарованный, семя хананейское. В каждую из этих групп могут входить эпитеты постоянные (традиционные), например: овцы словесные, муж добрый, свет истинный.

Рассмотрим некоторые конкретные случаи употребления эпитетов в Житии Стефана Пермского. В главе «О епископстве» писатель говорит о том, каким должен быть епископ, и о том, что Стефан Пермский обладает именно теми качествами, которые необходимо иметь епископу: «Подобает епископу непорочну быти, трезву, целомудрену, учителну, не пианчиву, не битливу, рассмотреливу, не тяжблыву, правдиву, воздержливу, не гневливу, не самолюбиву, не себе угодливу, страннолюбцу, не сребролюбцу, не мздоимцу, благолюбцу, преподобну, заступающу верна слово учения, да силен будет утешати учением здравым, да мощен будет въпреки глаголющаа обличати и ерегиком уста загражати».¹ В приводимом фрагменте содержатся рекомендации и одновременно оценка качеств, которыми должен обладать епископ.

Для характеристики епископа автор жития использует тексты посланий Павла к Тимофею и Титу. Эти послания обычно называют пастырскими, так как они адресованы не к целым общинам, как например Послания Римлянам, Коринфянам, Галатам, а преимущественно к пастырям, руководителям общин. Главная тема посланий — наставления епископам. По-видимому, почему Епифаний обращается именно к этим источникам, стремясь дать наставления Стефану, руководителю пермян, их пастырю, их будущему епископу.

Сопоставление текстов посланий и жития показывает, что Епифаний подбирает эпитеты для характеристики епископа из евангельских текстов.

¹ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, стр. 60 (далее в тексте даются страницы по этому изданию).

Если считать, что Новый Завет сохранился приблизительно в том виде, в каком он был во времена Епифания, то можно заключить, что писатель сознательно компоновал свои стилистические периоды из известных ему апостольских посланий.

Естественно, что Епифаний выбрал именно эти тексты, так как качества, которыми должен обладать новый епископ, перечислены в посланиях Павла к Тимофею и Титу. Стефан наделен эпитетами, характеризующими различные стороны его характера (по замыслу автора — характера идеального героя). Эпитеты раскрывают отдельные стороны деятельности подвижника и показывают, каковы его человеческие качества и почему ему поверили пермяне. Одновременно автор наставляет слушателей в том, каким должен быть истинно верующий христианин, и подчеркивает, что его герой действительно «святой», обладающий добродетелями, записанными в святых книгах.

Все эпитеты, которыми наделен епископ, имеют оценочный характер. Они известны читателю — современнику Епифания. Можно сказать, что их метафорическое значение стирается и они приобрели вид словесной формулы, особого литературного приема. Однако писатель, чувствуя именно это обстоятельство, стремится найти какой-то выход. Слова должны зазвучать громче, они должны произвести впечатление сильное, тем более что они известны и употребляются часто. Епифаний отбирает из различных текстов эпитеты по определенному признаку и располагает их так, чтобы образовались своеобразные звуковые, музыкальные фразы. Например: «...Тимофею о сем утвержающа, пишуща, и посылающа, и глаголюща: подобает епископу непорочну быти, трезву, целомудрену, учителну, не pianчиву, не битливу, рассмотреливу, не тяжеливу, правдиву, воздержливу, не гневливу, не самолюбиву, не себе угодливу, страннолюбцу, не сребролюбцу, не мздоимцу, благолюбцу, преподобну, заступающу верна слово учения, да силен будет утешати учением здравым, да мощен будет вопреки глаголющаа обличати и еретиком уста заграждати» (стр. 60).

Писатель использует единоначатие-анафору, поэтический прием, который встречается почти во всех рассматриваемых примерах употребления тропов. Повторяются звуки в начале ритмических построений — «не». В этом же примере употреблена эпифора, которая применяется в виде повторения четырех типов конечных слогов: «ща», «ну», «ву», «цу». Даже для литературы житийной, отличающейся, как известно, сложностью стилистических периодов, сочетание в одном, композиционно законченном фрагменте различных видов звуковой аллитерации — явление необычное, свидетельствующее об особом художественном мастерстве писателя. Епифаний придавал большое значение этим, выписанным или приведенным по памяти текстам из посланий Павла. Вспомним, что именно с апостолом Павлом писатель на протяжении всего произведения сравнивает Стефана, а в конце и прямо отождествляет их деятельность. В «Плаче пермских людей» автор жития повторяет эти тексты, но уже без ссылки на источник. Пермяне характеризуют умершего епископа именно теми словами, которые использовал писатель, рисуя начало деятельности Стефана на епископском поприще: «Ныне же что сътворим в скорби нашей... молися господину жатве да изведеть делателя на жатву свою, да чтобы были делатели тии добре правяща слово истины, чтобы были делатели и непостыдны, непорочны, не себе угажающа и не ищуща своя польза, но многих да спасут, делателя непосрамны, не сребролюбивы, не мздоимны, делателя верны, строителя тайнам его, делателя винограду Христову, делателя, делающа не брашно гыблющее, но

брашно пребывающее в жизнь вечную, делателя полезны, поспешны в проповедь евангелскую, делателя, делающа спасение человеком: тащех делатель хошем и просим, тащех требует земля наша, якоже ты и сам веси нас не хуже» (стр. 88—89). Епифаний ссылается на авторитетный источник в том случае, когда ему необходимо поддержать, подтвердить сказанное им же. В плаче по Стефану дела последнего говорят сами за себя, и пермяне, обращенные Стефаном в истинную веру, скорбят о его смерти.

Писатель соединяет здесь пригчу о жатве, винограде и его делателе с апостольскими определениями добродетелей.

В отличие от уже рассмотренного фрагмента в этом периоде автор жития делает ударение не на эпитетах, определяющих достоинства святого, а на слове «делатель», которым символически обозначает подвижника; все же остальные определения святого служат как бы фоном для развития мысли о том, что Стефан — «делатель винограда Христова».

Почти во всех случаях для характеристики Стефана писатель нагнетает несколько эпитетов. Епифания не удовлетворяет один или два эпитета, он нанизывает их, казалось бы, без меры, однако при более пристальном рассмотрении всюду обнаруживается поэтическое задание, которое автор ставил себе.

В «Плаче пермских людей» Стефан вновь наделен целым рядом качеств, выраженных эмоциональными метафорическими эпитетами, но имеющими вместе с тем и оценочный характер: «Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавецъ и законоположник, то же креститель и апостол, учитель, честитель, посетитель, правитель, исцелитель, архирей, стражевож, пастырь, наставник, сказатель, отец, епископ» (стр. 88).

Плачи содержат эпитеты, которые раскрывают качества Стефана как пастыря пермян, как их проповедника. Окрашенные скорбью обращенных в христианство пермян, эпитеты в этих частях жития обладают особой эмоциональностью. Общий тон плачей, их назначение, связь с фольклором сказались в подборе и расположении эпитетов. Подчеркивая по-прежнему идеальный признак предмета, эти эпитеты разнообразнее и более, чем в других главах, отражают индивидуальность автора.

С воплями и жалобами воспринимают пермяне сообщение о смерти Стефана: «О люте вести тоя страшныя и пристранныя, увы мне, вести тоя пламенныя и горкиа и печалны, жалую ты пермьскаа церкви, и паку реку: жаль ми тебе, о злоприлучныя тоя вести, поведающи церкви печаль ту» (стр. 91). Эти эпитеты яснее, проще, не имеют библейских аналогий, а следовательно, не нуждаются и в толкованиях; они имеют черты, сближающие их с народной речью. Семантический характер рассматриваемых эпитетов различен, несмотря на то что в данном примере все эпитеты определяют одно и то же существительное — «вести».

Речь может идти о таких стилистических функциях эпитетов, как создание «высокости», некоего священного ореола. Епифаний придавал существенное значение расположению слов. Не случайно и в данном примере настойчивое трехкратное повторение слова «вести», к которому и относятся все эпитеты.

Некоторые эпитеты в житии можно отнести к типу постоянных, пользуясь терминологией фольклористов, во всяком случае постоянных для данного жанра, так как они употребляются и во многих других житийных произведениях. Это такие эпитеты, как «доблий», «святой», «блаженный», «божественный», «непорочный», «светлый», «грешный», «истинный», «добрый», «словесный» и др.

Многими исследователями был отмечен эпитет «добрый» («молодец добрый») как постоянный, широко распространенный в устном народном творчестве. Этот же эпитет встречается в Житии Стефана Пермского в сочетании с различными существительными: господин добрый (стр. 87), дело доброе (стр. 78, 106), дерзновение доброе (стр. 14), женише добрый (стр. 92), житие доброе (стр. 2), исповедание доброе (стр. 14, 31), кормник добрый (стр. 101), муж добрый (стр. 60), пастух добрый (стр. 87), податель добр (стр. 87), промышленник добр (стр. 87), подвижник добр (стр. 87), талант добрый (стр. 106), церковь добра (стр. 34) и др.

Наибольший интерес представляет эпитет «добрый» в сочетании с существительным «муж», в связи с тем, что именно так действующие лица произведения и сам автор чаще всего характеризуют Стефана. В плаче жития рассуждение о том, кто же должен стать епископом в Перми, заканчивается словами: «... аз ныне обретох того самого Стефана, мужа добра, мудра, разумна, смыслена, умна суща и хитра и всячески добродетelmi украшена и таковаго дара достоина бывша... слышав же архиереи старци и книжници и клирици вси вкупе, яко едиными усты рекоша: во истину добр муж достоин есть таковыя благодати» (стр. 60—61). Эпитеты, которыми наделен здесь Стефан, располагаются в определенной последовательности — в цепи эпитетов первым и последним звеном оказывается эпитет «добрый».² Подчеркивается именно этот признак, характеризующий подвижника, обобщающий все его добродетели, направляющий читателя к образу человеческого совершенства. Все остальные эпитеты — «мудр», «разумен», «смыслен», «умен», «хитер», — являющиеся синонимическими, выполняют логическую функцию. Логически мысль в данном фрагменте выражена безупречно: общая оценка—конкретизация—повторение общей оценки. При этом создается и определенный интонационный строй фразы, в котором эпитет «добрый» играет ведущую роль. Цель писателя — усиление лирической эмоциональности, а поэтому в каждом стилистическом периоде он стремится к созданию особого ритмического рисунка. При этом Епифаний находит многообразные решения, в данном случае — это изменение порядка слов в словосочетаниях — «муж добр» и «добр муж».

Особую игру слов («извитие словес») представляет собой стилистический круг, в центре которого также находится эпитет «добрый». В «Плаче пермских людей» читаем: «... горе, горе нам, братие, како оставом добраго господина и учителя! Горе, горе нам, како лишени быхом добраго пастуха и правителя! ... многа добра нам податель, о како оставом очистника душам нашим и печалника телом нашим, то перво оставом добра промышленника и ходатая... — О епископе наш добрый... о добрый подвижник правыя веры... камо заиде доброта твоя, камо отиде от нас, или камо ся еси дел от нас изиде, а нас сирых оставил еси, пастуше наш добрый» (стр. 87). Намеренное повторение одного и того же эпитета является особым авторским приемом и находится в функциональном взаимодействии с общей «теорией» стиля писателя. Задача автора жития — постоянно, всегда и всюду подчеркивать значение деяний Стефана, изобразить, воспеть его добродетели, направить, ориентировать читателя всегда и только на восхищение героем. Отсюда намеренно сочиненная цепь одинаковых эпитетов, завораживающая ритмичность и музыкальность каждого стилистического фрагмента. Образ святого рас-

² Эпитет «добрый» широко используется в библейских книгах (см.: Симфония на Ветхий и Новый Завет. СПб., 1896, стр. 314).

крывается посредством «наступления на читателя», стремления «запрограммировать» в его сознании единое, постоянное представление о святости. Однообразное повторение одного и того же эпитета играет такую же роль, как и нанизывание разнообразных, сложных и простых эпитетов, заимствованных из других произведений или сочиненных самим писателем, — остановить внимание, задержать мысль читателя, поразить необычным, привести к размышлениям о величии излагаемой истории. Такого рода построения не снимают логики развития мысли, не затмевают смысла произведения, так как, насколько можно об этом судить, именно таким задумано изложение самим автором.

Во всех других случаях применения эпитета «добрый» он имеет оценочный характер и сочетает функции пояснительные и эмоциональные. Стоящий близко к фольклорному «постоянному» эпитету, эпитет «добрый» в произведении Епифания все же отличается от названного типа именно тем, что сочетание постоянное оказывается разложимым, и эпитет «добрый» применяется и по отношению к другим предметам, а не только характеризует подвижника.

Постоянным в житии Стефана может быть назван эпитет «словесный» — «овцы словесные», «млеко словесное», «бращны словесные», «стадо словесное» и др. Многочисленные варианты библейских притч о пастыре, овцах, овчем дворе³ известны многим памятникам русской литературы.⁴

В сочинении Епифания Премудрого словосочетание «словесные овцы», «словесное стадо» имеет значение «духовные», «духовное» и употребляется как стилистическая формула, раскрывающая смысл и одновременно результат обращения в христианство пермян-язычников. Новообращенная Пермь воспринимается писателем как «словесное» стадо, а пермян он называет «словесными» овцами: «Митрополит... сущих в его митрополии о множестве словесных овецъ, паче и о новокрещеных, и о сем прилежно думаше и гадаше, искаше и пыташе, кого изыскати, изобрести и избрати, и поставити, и послати епископа в Пермь» (стр. 60); «Тацити суть дарове, иже дарова бог земли Пермьстей, тако вера зачало приимаше и злоба от среды отгонима бываше, тако ти крещение приаша, тако грамоте сподобиша, тако христиане прибываху, тако стадо словесное исполняшешя, тако виноград господа Саваофа добре цветяше...» (стр. 74); «...мы бо есмы овчята словеснаго стада и своего пастуха глас знаем» (стр. 42); «Призри, господи, на люди сна новокрещеныя и на словесныя сия овца твоя...» (стр. 81). Эпитет «словесные», «словесное» является традиционным, словосочетание в целом следует рассматривать как метафору. Так как такие эпитеты-метафоры были широко известны и всегда должны были пониматься однозначно, то писателю в данном случае не требуется никаких дополнительных объяснений или ссылок. Поэтому эпитеты даны в относительно простом окружении, здесь отсутствуют обычные, характерные для Епифания, нагромождения и уточнения.

Корни рассматриваемого эпитета уходят в библейские книги, и историю его употребления можно себе представить следующим образом. В основе христианского учения лежит «слово божие», верующие — это после-

³ См.: Еванг. Матф., VII, 15; XVIII, 12—14; Еванг. Иоанна, X, 1—16, 27, 28; Еванг. Луки, XII, 32, и др.

⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц *Очерки поэтического стиля древней Руси*. М.—Л., 1947, стр. 101. См. также Срезневский. *Материалы*, т. 3, стлб 409: «Розго многоплодна... Гръзны принося словесныя»; стлб. 1437: «Дньсь бо весна разумная вьсяя угацающи цветы словесныя».

дователи пастыря-бога, учения божия, т. е. «словесные овцы». Несмотря на многочисленные случаи использования этой метафоры-эпитета в произведениях Илариона и Кирилла Туровского, которые придавали эпитету «словесный» исторический оттенок, в целом образ «стадо—пастух—овца» в древней русской литературе сохраняет евангельскую традицию.

Вариант эпитета «словесный» содержится в словосочетаниях «млеко словесное», «брашны словесные». Применение метафорического прилагательного для характеристики таких конкретных предметов, как «млеко» и «брашно», связано со стремлением воспринимать «пищу» как символ христианского учения. Такое восприятие встречается в произведениях многих древнерусских авторов.⁵

Источником всех употреблений этого рода явились тексты Нового Завета. В обширном рассуждении о новообращенных пермянах Епифаний сравнивает пермян с новорожденными младенцами, пьющими «словесное млеко», используя при этом текст Первого послания Петра: «... тем же глаголю вы по апостолу глаголющу: отложите всяку злобу⁶ давних дел ваших и возненавидите всех дел ваших, и возненавидите вся дела лукаваа, совлекшеся ветхаго человека, истлевшаго в похотех телесных,⁷ да яко новорождении младенци словесное и не телесное млеко добродетели возлюбивше пити,⁸ да в нем возрастъше достигнете в разум съвершен, уже не будете акы младенцы зыблющися умом, акы ветром колеблющися бурю треволнения грехов, и не дети бываите умом, но злобою младеньствуйте, а умом свершени бываите,⁹ в благое же крепци и тверди и свершени умом бываите, достойно званию ходите, в он же позвани бысте,¹⁰ в съхранение заповеди господень» (стр. 78—79). Цитата с эпитетом «словесное млеко» находится в центре мозаики из новозаветных изречений, которую писатель составил, считая ее одним из наиболее убедительных способов изложения. Тексты, хотя и из различных источников, подобраны по смыслу, поэтому логика рассуждений не нарушается и период производит впечатление законченности.¹¹

В «Плаче пермских людей» Епифаний словами Соломона утешает пермян и убеждает их в том, что успокоиться они смогут лишь приобщившись к истинной вере: «Добре ж и Соломон лечит печаль, велит бо печалнымъ давати пити вино,¹² винограда делателем, не сего упивания делатели, иже пианством упиваются, но вино, сердце веселящее животней-

⁵ У Кирилла Туровского употреблена метафора «млеко учения», в Минее служебной находим «алчущим бессмертное брашно». Встречается этот образ и в литературе более позднего времени. Так, в «Житии» протопопа Аввакума читаем: «... яко же тело альчуще желает ясти и жаждуше желает пити, тако и душа, отче мой... брашна духовного желает». См.: В. П. Андрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 52, 97—102.

⁶ I посл. Петра, II, 1.

⁷ Посл. Ефесянам, IV, 22.

⁸ I посл. Петра, II, 2.

⁹ I посл. Коринфянам, XIV, 20.

¹⁰ Посл. Ефесянам, IV, 1.

¹¹ Интересно отметить, что в списке Жития Стефана Пермского по рукописи ГИМ, № 91 находим «словесное и не телесное млеко»; в славянских переводах Первого соборного послания апостола Петра стоит также «не телесное»; в списке жития ГПБ, № 862 (собр. Погодина) имеется разночтение — «словесное и не телесное». Можно предположить, что Епифаний в постоянном стремлении приспособлять библейские тексты к нуждам своего произведения пересказал текст послания по-своему, заменив слово «не телесные» на «не телесные», которое больше гармонировало с предыдущим изречением «совлекшеся человека ветхаго, истлевшаго в похотех телесных» и помогало создать сочетание из однокоренных слов. Переписчик же мог заменить незнакомое выражение «не телесное» привычным «не телесное».

¹² Притчи Соломона, XXXI, 6.

шим растворением, изобиль гостится словесными брашны, яко нам зело на веселие прменитися плачу» (стр. 97). Мысль выражена символами, каждое слово, каждый образ имеет прежде всего символическое значение. При этом используется традиционный эпитет «словесный» в применении к традиционному же символу «брашно».

Метафорические образы «брашно» и «млеко» используются автором жития еще раз и опять-таки в контексте, содержащем рассуждения о вере. Стефан, обращаясь к пермянам, говорит: «...до ныне млеком питах вы, а уже отселе твердою пищею достоин ми кормити вы и черъством брашном питати вы» (стр. 75). Здесь к слову-метафоре «брашно» применен эпитет «черствый», также часто встречающийся в агиографической литературе. В отличие от «словесного брашна», где смысловая непоследовательность традиционных метафорических эпитетов проявилась особенно ярко, словосочетание «черствое брашно» основано на принципе конкретизации и представляет собой эпитет предметный. Рассматриваемый пример показывает, что для Епифания возможно было не только традиционное толкование и употребление тех или иных библейских символов. Здесь традиционные метафоры и метафорический эпитет следует понимать в довольно простом житейском смысле. Пермяне должны делами доказать Стефану свою преданность, поэтому-то он и говорит им, что младенческое «млеко» надлежит заменить «твердой пищей», и разъясняет, что должны делать пермяне: «Ныне убо покажите ми первие от дел ваших веру свою... и аще кто верен и мудр хотяи быти в вас вящшии паче всех, и хотяи быти изо всех и более всех любовь имети ко мне, да изищет и испытает, аще где възведает кумир сущъ таящся... да обреть, изнесеть и на среду пред всеми...» (стр. 75). Перед нами интересный случай, когда основанная на конкретном материале метафора, со временем ставшая традиционной, получает нетрадиционное толкование, а символический образ снова приобретает утраченную конкретность.

Представляет интерес и использование постоянного эпитета «истинный», который является наиболее распространенным как в русских житиях, так и в произведениях южнославянских книжников. В Житии Стефана Пермского этот эпитет находится в следующих сочетаниях: «бог истинный», «притча истинная», «пастух истинный», «раб истинный», «разум истинный», «слово истинное». Этот эпитет, имеющий объяснительный характер, подчеркивающий один признак предмета, выступает в значении «настоящий».

Рассмотрим некоторые примеры. «Ты бо еси истинный пастух и посетитель душ наших, единый без греха, не призри дело руку твою... и дай же им разум еже уведати тебе и познати тя, единого истинного бога» (стр. 22). Истинный пастух — символическое изображение Христа, здесь же это понятие как бы уточняется словами: «познати тя, единого истинного бога». Словосочетание «истинный бог» встречается в Житии часто и всегда в одном и том же значении (см. стр. 13, 22, 52 и др.).

Писатель называет Стефана «служителем слову истинному» (стр. 13). Эпитет употреблен в символическом словосочетании, обозначающем христианское учение. Все словосочетание — «служитель слову истинному» — может рассматриваться как сложный эпитет, характеризующий важную сторону деятельности подвижника.

Останавливает внимание и сопоставление таких выражений, как «призови я в разум истины твой» (стр. 18) и «бог даст им разум истинный» (стр. 19). Первая цитата показывает, каким путем был образован эпитет «истинный» во втором примере. Здесь особенно ясно выступает «внутрен-

няя норма» эпитета, связь его с богословскими представлениями и понятиями.

Опираясь на изложенное, можно сделать вывод, что постоянные, традиционные эпитеты определяют самые общие признаки предметов и чаще всего лишают слово его конкретного значения.

Группа эпитетов, имеющих эмоциональный осудительный оттенок, относится к характеристике Пама-волхва. Это так называемые «порицательные» эпитеты, состоящие из слова или словосочетания, выступающего в функции обращения и выражающего отрицательное отношение говорящего к лицу, к которому он обращается.¹³

Перед автором жития стоит цель — развенчать религию Пама, унижить его в глазах читателя, доказать превосходство христианина Стефана. Для этого Епифаний рисует вполне «реалистическую» картину спора Стефана и Пама об истинности веры. В ответ на слова Пама, что тот не боится «дидаскала Стефана и суесловия и сущих с ними ученик его», Стефан произносит речь, полную оскорблений по отношению к язычнику Паму: «Божий же человек Стефан укрепився благодатию божиею, и рече к волхву: „О прелестниче и развращению началниче. вавилонское семя, халдейский род, хананейское племя, тмы темныя помраченое чадо, пентаполиев сын, египтския прелестныя тмы внуче и разрушеннаго столпотворения правнуче! Послушай, тако глаголет Исаяа пророк: горе напаяющему ближняго своего смещения мутна“» (стр. 44). Эпитеты выражены сочетаниями прилагательных и существительных. Ни один из эпитетов не имеет конкретного значения. Все слова заключают в себе только символический смысл. Свои изощренные «ругательства» писатель черпает из Священного писания. Осудительные (порицательные) эпитеты, которыми «награжден» вождь язычников, воздействуют на пермян и, разумеется, на читателей главным образом значительностью библейских аналогий и общей напряженностью тона. «Изысканные» оскорбления предполагают знание читателями библейской истории, поэтому, казалось бы, невероятные сочетания у современников писателя могли вызвать вполне определенные ассоциации, и осуждение Пама-язычника должно было восприниматься и пониматься полностью.

Все названные эпитеты придуманы самим Епифанием. В данном случае он использует не традиционные готовые формулы, а известные факты библейской истории, опираясь на которые он и создает свои эпитеты.

Порицательные эпитеты, осуждающие Пама, имеющие оценочный в связи с этим смысл, распространены в житии довольно широко. Волхв — «очарованный», «нечестивый» (стр. 55), «чародевный старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвом начальник, обавником старейшина, ставником большии, иже на волшебныя хитрости всегда упражняся иже кудесному чарованию тепл сыи помощник» (стр. 39).

Эпитеты расположены в определенной последовательности. Тип расположения — амплификация. Каждый последующий дополняет, уточняет предыдущий. В целом нагнетание эпитетов создает особую напряженность, которая усиливается еще и тем, что каждый эпитет в отдельности отмечает какую-то одну сторону враждебной деятельности волхва, предупреждает о подобной опасности. В литературе такого рода эпитеты не удалось отметить. В словаре И. И. Срезневского и в картотеке «Древнерусского словаря» отмечены примеры их употребления только из Жития Стефана.¹⁴

¹³ См.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 527.

¹⁴ Ср.: Срезневский. Материалы, т. II, стр. 496, 760, 469 и др.

Синонимический эпитет также занимает значительное место в системе эпитетов у Епифания Премудрого. Следует отметить, что сочетания синонимов в качестве средства усиления воздействия древнерусские писатели применяют широко. Одна из функций синонимии— усиление значения путем постановки рядом двух или более синонимов. Основанием для сочетания синонимов служит совпадение значений. Стилистические функции их заключаются в уточнении значения, а не в создании нового значения.¹⁵ Именно по такому принципу созданы синонимические ряды в житии Стефана: «... иже иногда веселяхся акы брачне ликующи, ныне же умилено сетую беды ради стениющи, иже иногда праздновах ликоствующи и радостнотворныя песни поущи, ныне же рыдалныя и опечаленыя, и плачевныя, и надгробныя песни; иже иногда светлыми облачахся одеждами брачными, и чертожными, и многоценными, ныне же облекохся в студ, облекохся в ризы черныя, и брачныя и плачевныя...» (стр. 94). Кроме того, особое расположение синонимических эпитетов способствует выделению основного значения и усиливает экспрессивность изложения.

Система эпитетов в Житии Стефана Пермского, как показал анализ наиболее типичных для Епифания примеров, сложна и включает в себя различные типы эпитетов и разные способы их использования. Однако при всем разнообразии почти все эпитеты сочетают в себе изобразительные (объяснительные) и эмоциональные (лирические) функции, так как писатель во всех случаях стремится выказать свое отношение к изображаемому лицу или событию. Эпитет у Епифания указывает признак частный, но может отмечать и несколько признаков. В качестве материала эпитетов используются традиционные эпитеты или пересказанные, переосмысленные библейские тексты. Традиционность эпитетов преодолевается писателем различными путями: то эпитеты находят новое наполнение путем их особого расположения, благодаря которому усиливается их значение, возрастает их стилистическая роль, то в эпитетах раскрывается богатство признаков предмета или разнообразие оттенков какого-либо явления; эпитеты при этом нагнетаются, распространяются и образуют целую цепь, характеризующую один и тот же объект. Это явление близко нагнетанию эпитетов в устном народном творчестве.¹⁶

Нагнетание эпитетов, их разнообразие и вместе с тем некоторая однородность способствовали усилению эмоциональности. Таким образом, оценочный или изобразительный эпитет выполнял функции эмоционального.

Епифаний сочетает различные типы эпитетов, и именно в этом проявляется тончайшее искусство его стиля, умение найти в пределах одной и той же стилистической схемы нужный вариант поэтического тропа. Писатель учитывает все оттенки значений слов, комбинирует эпитеты, создавая замысловатые сочетания, используя в том или ином случае все возможные лексические и стилистические варианты, звуковые аллитерации, рифмующиеся строки и т. д. Концентрируя в одном стилистическом периоде различные оттенки значений слов, писатель как бы компенсирует ограничения, накладываемые необходимостью использовать традиционные образы и стилистические формулы. Вполне возможно, что он делал это не сознательно, но в силу особенностей своего дарования.

Теологический фонд служил Епифанию основой его стилистических построений, теологические понятия легли в основу его творческого ме-

¹⁵ См.: А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 240 и др.

¹⁶ Там же, стр. 162.

тогда. Это понятно, так как иначе и не могло быть у церковного писателя. Однако и в эту сильную теологическую струю время от времени вливались стилистические приемы устного народного творчества и откладывали свой отпечаток на многие способы изложения.

А. П. Евгеньева распределяет эпитеты, встречающиеся в произведениях устного народного творчества, на определенные типы, основой которых служат те явления в поэтической речи, которые могут рассматриваться как общие, характерные для употребления эпитетов вообще: 1) подновление нарицательного значения (смысловая тавтология), 2) подчеркивание выдающегося качества предмета, 3) указание на идеальный, желаемый признак или на самую высокую ступень признака.¹⁷ Д. С. Лихачев отмечает, что те же типы эпитетов в стиле эпохи южнославянского влияния служат иному мировоззрению, чем в народной поэзии.¹⁸ К этому следует добавить, что использование общих эпитетов в стиле Елифания Премудрого сопровождается усилением, усложнением того или иного типа их, расположением их в определенной звуковой гамме, нагнетанием синонимических эпитетов, которое подчас принимает преувеличенные формы. Д. С. Лихачев отмечает зависимость стиля от мировоззрения писателя и в употреблении эпитетов. «К эпитетам... меньше всего может быть приложено определение их как „украшающих“. Обычно они раскрывают такие качества, которые необходимы писателю как христианину и ученому-богослову... В них вскрываются не конкретные признаки явления, а его „вечная“ сущность; одновременно с помощью эпитетов писатель добивается сильной эмоциональной окраски описываемых явлений».¹⁹

В отличие от фольклорных, традиционные для агиографической литературы эпитеты не имеют вида «литературного клише», словосочетания в житиях обычно бывают разделимы, и особенность употребления такого рода эпитетов заключается в том, что один и тот же эпитет применяется для характеристики чрезвычайно широкого круга различных предметов, явлений, абстрактных понятий.

Несмотря на существенное однообразие в выборе эпитетов, как и других поэтических средств, писатель в силу своего таланта так сочетает эти известные, используемые другими авторами образы, что создает новые оригинальные стилистические варианты, которые покоряют читателей, ведут за собой, подчиняют своему влиянию.

¹⁷ Там же, стр. 165—166.

¹⁸ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 120

¹⁹ Там же.